

Перед тем как утонуть, он поссорился с Чжоу Юньяном из-за того, что хотел выйти на улицу. Чжоу Юньян отчитал его, и он начал ссориться, сказав, чтобы тот ушел и больше не приходил. Чжоу Юньян обычно был терпеливым и старался уступать, но и у него был предел. Разозлившись, он сказал несколько резких слов и ушел.

Чжоу Юньси, остыв после ссоры, пожалел о своих словах. Он боялся, что Чжоу Юньян больше не захочет с ним общаться, и решил извиниться. Он попросил Сяо Чэна несколько раз сходить за Чжоу Юньяном, но тот так и не пришел. Чжоу Юньси все больше нервничал, не мог усидеть на месте и в конце концов решил пойти сам. Если бы Сяо Чэн вовремя заметил его отсутствие, ничего бы не случилось, но он знал, что Сяо Чэн будет его останавливать, поэтому ушел, когда его не было рядом. Это и привело к трагедии.

Чжоу Юньси редко ходил в задний двор, отчасти из-за предупреждений дяди, отчасти из-за страха перед Сюй Маньнин. Мать и сын в заднем дворе не ожидали его визита, а так как слуги были отосланы, они говорили более откровенно.

Как только Чжоу Юньси вошел во двор, он услышал, как Сюй Маньнин ругает Чжоу Юньяна, видимо, из-за того, что Сяо Чэн постоянно ее беспокоил.

Чжоу Юньси не осмелился войти внутрь, чтобы найти Чжоу Юньяна, но и уходить не хотел, поэтому решил подождать. Во дворе горела только одна лампа у входа, и большая часть двора была погружена в темноту, но внутри дома все было видно.

Сюй Маньнин становилась все более возбужденной и даже начала бросать в Чжоу Юньяна вещи, которые были под рукой. Она была парализована и не могла двигаться, поэтому только кричала и бросала что попало. Чжоу Юньян не уклонялся и молча терпел.

Чжоу Юньси начал волноваться, хотел войти и оттащить Чжоу Юньяна, но Сюй Маньнин была в ярости, ее растрепанные волосы и крики делали ее похожей на сумасшедшую. Он долго колебался, но наконец собрался с духом, однако Сюй Маньнин внезапно замолчала, словно вся ее энергия ушла в гнев, и остатки сил она потратила на печаль и негодование. Она начала жаловаться на то, что Чжоу Цзыцянь относится к ней и ее сыну хуже, чем к Чжоу Юньси, который, по ее мнению, был менее достойным, но его считали сокровищем.

Чжоу Юньси мог понять чувства Сюй Маньнин, осознавая, что ее негодование в основном связано с ее ребенком. И в его собственном сердце он тоже считал себя хуже Чжоу Юньяна. Он с рождения был слабым, постоянно болел, и кроме того, что доставлял хлопоты, ничего не мог сделать. А Чжоу Юньян был здоровым, умным, все делал на отлично. Но у него было то, чего не было у Чжоу Юньяна. Если бы они поменялись местами, чувствовал бы он такую же несправедливость?

Сюй Маньнин говорила все более грустно, ее голос дрожал от слез. Чжоу Юньян, увидев, что мать плачет, перестал молчать. Он подошел к ней, стал вытирать ее слезы и объяснять, что он сблизился с Чжоу Юньси, потому что Чжоу Цзыцянь любит его. Чжоу Цзыцянь — будущий глава семьи, и когда старый господин уйдет, именно он будет всем руководить. От его отношения зависит, смогут ли они с матерью остаться в доме Чжоу. Поэтому поддерживать хорошие отношения с Чжоу Юньси было полезно.

Чжоу Юньси почувствовал, как его грудь сжалась, все тело стало холодным. Он не был глупцом и понимал, что их отношения были неправильными. Вначале он удивлялся и сомневался, почему Чжоу Юньян так быстро принял его чувства, но за полгода общения он перестал сомневаться. Теперь, услышав эти слова, он почувствовал такую боль, что даже не смог

разозлиться.

«Все было ложью. Та терпимость и забота были не из-за любви, а из-за необходимости. А что тогда значили его чувства? Наивность? Глупость? Самообман? Наверное, больше похоже на шутку. Но это было самое ценное, что у него было!»

Чжоу Юньси сжался в комок на холодном ветру, кусая руку, чтобы заглушить рыдания. Его мысли стали путаными, но боль в сердце была острой, как будто его резали ножом.

Даже сейчас Чжоу Юньси не мог понять, как тогда пришла мысль о самоубийстве. Было ли это импульсом или нет? О смерти он думал и раньше, каждый раз, когда болезнь мучила его, он представлял, как было бы легче умереть, чем продолжать так жить.

Шестнадцатилетний мальчик, измученный болезнями, пришел извиниться перед любимым, но получил такой удар, что его сознание помутилось, и все накопленные за годы болезни отчаяние и нежелание жить выплеснулись наружу.

Баобао вытер влажные глаза и написал в конце своей истории:

[Я был дураком, подслушал разговор и вдруг захотел умереть. В тот холодный день я как будто попал под дурное влияние и прыгнул в воду. Тогда только начал таять лед, пруд еще не очистили, и вода была полна грязи. Наверное, я захлебнулся грязью. Какой же я был дурак, просто сто раз дурак!]

Е Тао, еще переживая из-за несправедливой смерти юного господина, взглянул на «сто восклицательных знаков» и не смог сдержать улыбки.

Баобао «сказал» так много, что его лапки уже устали. Он вытер влагу вокруг глаз и растянулся на кровати, мурлыкая Е Тао:

— Погладь.

Е Тао начал массировать Баобао, говоря:

— Мне снился мальчик, который покончил с собой. Он был как будто в тумане, словно под влиянием кошмара. Я думаю, это был ты. Думаю, ты тогда просто слишком зациклился на чем-то, и в таком состоянии люди способны на что угодно.

Баобао пристально смотрел на Е Тао, неуверенно мяукнув:

— Это правда не потому, что я был дураком?

— Ты был слишком молод, и дядя слишком сильно тебя оберегал. Поэтому ты не смог справиться с неожиданным ударом. Это не имеет отношения к твоему уму, — Е Тао задумался на мгновение, затем продолжил. — Думаю, ты после инцидента не хотел видеть Чжоу Юньяна не из-за ненависти, а потому что сожалел, что из-за человека, который тебя обманывал, ты отказался от всего. Сама смерть была не так страшна, как причина, по которой ты решился на это.

Баобао подумал, затем встал на задние лапки, опершись на грудь Е Тао, и поцеловал его в щеку, хотя из-за короткой мордочки это больше походило на легкое прикосновение носом.

Е Тао погладил его по голове:

— Спасибо дяде за поддержку?

— Мяу~

Глаза Баобао сверкнули, он был немного смущен, но искренне благодарен Е Тао за эти слова.

Е Тао удалил весь текст, который никто не должен был видеть, затем взял Баобао за лапки:

— Давай потренируемся ставить восклицательные знаки.

Баобао забрал лапки и вернулся на место:

— Еще не отдохнул, погладь еще.

Сюй Маньнин ушла утром и вернулась только вечером. Слуги и водитель весь день ждали у кладбища, и, конечно, не могли не пожаловаться. Сяо Чэн, услышав это, только улыбнулся, но перед Е Тао ничего не сказал.

После ужина Е Тао гулял во дворе. Его пищеварение было не самым лучшим, и если он переел, то начинал чувствовать тяжесть, поэтому прогулка после еды была необходимой.

Чжоу Цзыцянь сидел за каменным столом, пил чай и наслаждался прохладой, наблюдая за Е Тао. Ему вдруг захотелось подразнить его, и он позвал его к себе, посадил на колени и спросил:

— Хочешь пойти погулять?

Е Тао подумал, что это странно, но не показал этого, только кивнул.

Чжоу Цзыцянь улыбнулся еще шире:

— Дай мне причину, чтобы я взял тебя с собой.

Е Тао, пользуясь светом в саду, внимательно посмотрел на его улыбающееся лицо, пытаясь понять его намерения, и пришел к выводу, что тот просто развлекается.

Е Тао сказал:

— Я вижу, вы сегодня плотно поужинали. Может, прогуляемся вместе, чтобы переварить?

Чжоу Цзыцянь щипнул его за щеку:

— Это какая-то причина? Если я тебя возьму, то получается, я просто объелся?

Е Тао спокойно позволил ему щипать себя, думая:

«А ты разве не объелся?»

Я должен признать, что Баобао действительно перетягивает на себя внимание, но если бы Баобао был официальным гуном, то всё было бы в порядке, правда? (Да, я шучу, с серьезным лицом. Пока администрация сайта позволяет, исходную пару я не разойму, а если не разрешит — буду постить в Вейбо, идите и читайте там. Ну, вот так и договорились.)